

Юрий Могутин

ИЗ НИОТКУДА И В НИКУДА

* * *

Настали листья, то есть их отлёт,
Потёмки – оккупация души.
И под ноги сигает гололёд.
Предвидятся большие падежи.

По миру анонимно бродит страх,
Стихов моих стихают голоса.
Коррозия садов чадит в кострах,
Столбами завиваясь в небеса.

Я снова оказался не готов
К декабрьской атаке холодов.
Но раздалась уверенность в плечах.
А без неё бы я зимой зачах.

Пришёл бы мне кирдык и карачун.
Не помогли бы водка и Минздрав,
Ни кот-баюн, ни птица Гамаюн,
Ни амбудсмен с его портфелем прав.

А жизнь куда-то, сгорбившись, идёт
За снегом, за крупитчатой мукой.
Но, как всегда, у них переучёт –
Не этот, так какой-нибудь другой...

* * *

Когда отчаянно не спишь,
Давая власть воображенью,

Все эти сумерки и тишь –
Лишь слуги внутреннего зренья.

Как в 113-ом псалме,
Трепещешь каждую ресницей
У мыслей собственных в тюрьме.
Заснуть! – Как этого добиться?

Не знать, не мнить, не изнывать.
Но рек же: «ищущий обрящет».
Враждебны память и кровать,
И тютчевское «Бог казнящий».

Тягучий бой с самим собой,
Как с некою упёртой силой.
Не страшен так никто другой,
Как этот мой двойник постылый...

ОХОТА НА МОРЖА

Живым из жизни не уйти,
Мы все у Господа в горсти –
От босяка до президента.

Бог создал Крым и Магадан,
И в каратэ четвёртый дан,
Олигофрена в позументах.

Никто Творцом не создан зря –
Ни вепс, ни чукча, ни эрзя –
Пасут оленей, ловят рыбу.

Бесстрашно ходят на моржа,
Движеньем ловкого ножа,
Убив, ошкуривают глыбу.

Страшна моржовая страда,
Но сколь нужна для живота
Затерянного в тундре рода!

Родня разделала моржа
И, каждой частью дорожа,
Делила мясо без отхода.

Живым из жизни не уйти,
Мы все у Господа в горсти.
Но есть у них ещё камланье.

Добыть моржа, освежевать.
Они нас учат выживать.
Самим своим существованьем.

* * *

Я не любитель горло драть
В разноголосице компаний.
Мне слаще время убивать
В пустой тщете самокопаний.

Я горе мыкал в нищете
И униженьях хлеба ради
В богооставленной Чите
И сталинистском Воблограде.

В такой нервической стране
Невротик всяк подстать Отчизне.
А я? Что остаётся мне,
Лишённому всех красок жизни?

Как воссоздать из черноты,
Меня объявшей, беспросветной,
Все краски мира и цветы
Благоухающего лета?

* * *

Жизнь ослепшего раба –
Чёрно-угольные ночи.
Миллионная толпа
Плачет, зверствует, хохочет.

Миллионная толпа
Без имён, фамилий, отчеств,
Обступившая раба
Заточеньем одиночеств.

Торопливая Москва,
Нет животного жесточе,
Гневно комкая слова,
Затоптать слепого хочет.

* * *

И вот, когда я занемог
И стал обузой для присных,
На живодёрню отволок
Меня седой медбрат-опричник.

Истёк в хронометре песок,
И скальпель, звякнувший о кафель,
Глазное яблоко отсёк,
Пустив фонтан кровавых капель.

Кто был рождён и прожил зряч,
Любуясь красотою света,
Не знал, какой он был богач,
И лишь ослепнув, понял это.

* * *

Я плыл по полю в степном покое
Не то к Армянску, не то к Джанкою –
Из ниоткуда и в никуда.
И стаи чаек, клюя друг друга,
Носились в небе сварливой вьюгой.
Что там делила сия орда?

Их не пугали стрельба и грохот,
Их смех, похожий на едкий хохот,
Звучал, как вызов людской грызне.

Но вот настало в стрельбе затишье,
И снова в небе разборки птичьи,
И стая чаек летит ко мне.

* * *

Так ничего и не сказал,
Ибо никто его не слушал.
Среди ночлежек и казарм,
Ментов, бомжей и потаскушек.

Жизнь стихотворца не проста,
Страшней, чем всякая иная.
Ему не платят ни черта,
Чем он живёт – никто не знает.

Скажи мне, Родина, зачем
Ты довела его до скотства,
И в нашей, лучшей из систем,
Над ним смакуешь превосходство.

А помню: в детстве золотом
Мы пели гимн отцу народов.
А кто чирикал не о том.
Мог распрощаться со свободой.

Тот приснопамятный поэт –
Одно лицо со мною грешным.
Теперь он слеп, затюкан, сед
И в связях с музой не замешан.

* * *

Мир очевидностей не знает языка.
В чужом стогу меня забыла мама
В тридцать седьмом, да и сама рука,
Дитя качавшая, – давно добыча ямы.

И всё, что быть должно, уже произошло.
В палате хроников царит предсмертный запах;

Больничный фикус в грязно-треснутом кашпо
Крадётся в сумерках на первобытных лапах.

Забыла что ли обо мне моя семья?
Худой «сокамерник», насвистывая хмуро,
Украдкой выльет в фикус горькую микстуру,
Вослед врачихе сонной горестно плюя.

Сей прототип, больничный бледный старожил,
Свидетель немощей моих и скорбных бдений,
С утра бранит сестёр, кормёжку и режим.
Ершись, воюй, пока не канул в царство теней!

Такие, братец, нам достались времена,
Что сели прочно бедняки на мёртвый якорь...
...Секира месяца в окне занесена
На доходяг, как нож безумного маньяка.

* * *

– В России надо долго жить,
Чтоб до чего-нибудь дожить, –
Изрёк мудрец Корней Чуковский.
А Пушкин, франт и дуэлянт,
Не уберёгший свой талант,
До лет не дожил стариковских.

Да мало ль в тот и этот век
Убил талантов высший свет!
Бездарность гениев не терпит.
Для каждой славной головы
Готовит рок, венок. Увы,
Венок из рвущих темя терний.

Судьба поэта – тяжкий крест,
Хоть видимость её картинна.
И Пушкину пришёл дантес,
А Лермонту – мартынов.

г. Москва